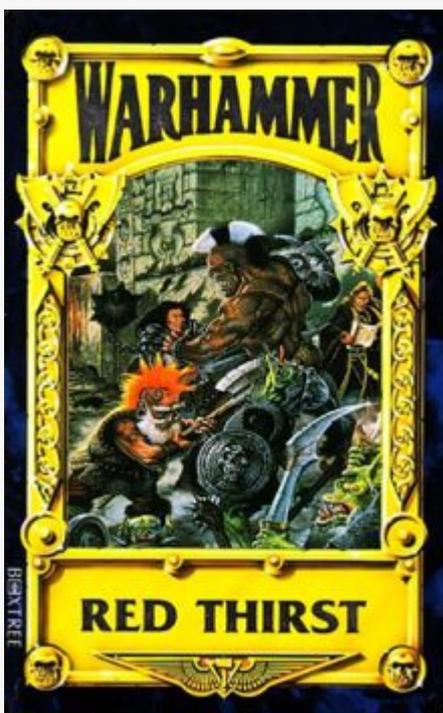

Свет преобразования / The Light of Transfiguration (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Свет преобразования / The Light of Transfiguration (рассказ)

Автор	Брайан Крейг / Brian Craig
Переводчик	Serpен
Издательство	GW Books Boxtree Ltd
Серия книг	Менестрель Орфео
Входит в сборник	Красная жажда / Red Thirst (сборник) Смех Тёмных богов / Laughter of the Dark Gods (сборник)
Источник	Красная жажда / Red Thirst (сборник)
Год издания	1990
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI

Поддержать проект

- ИЗ ВСЕХ историй, что я знаю, - произнёс Орфео с непривычной мягкостью в голосе, - самые любимые те, что произошли в краю моего детства, в Лоренском лесу. Хотелось бы мне, чтобы все сказания, что я могу рассказать о Лоренском лесу, были столь же светлы, как мои воспоминания о нём, но, увы, это не так. Вы знаете лес по его репутации обители добродетельных лесных эльфов, и именно этими эльфами я был найден и воспитан, когда оказался брошен в лесной чащобе, но лес огромен и многие искали покоя и убежища в его более диких областях. И среди них плохие и опасные люди, что увеличили бремя зла и страданий, которое лежит на возлюбленном нами мире.

Большинство людей, живущих на окраинах леса, являются честными почитателями Таала, а живущие ближе к его сердцевине по-прежнему следуют путями древней веры, но есть места, что скрывают последователей более тёмных богов и тех, кто заключает сделки с демонами. Одну из подобных областей можно найти у изножья гор, которые зовутся Убежищем, и которые в юности меня учили избегать. И так как эльфы не делают запретов без объяснения причин, то они поведали мне всё, что мудрость преданий и легенд могла рассказать об этом месте. И именно одну из этих историй я и собираюсь вам сейчас рассказать. Это одно из множества печальных сказаний, что учат нас остерегаться коварства демонов, которых злобные боги посылают к нам, чтобы мучить и совращать нас.

НА ОДНОМ из немногих утёсов этого региона, недалеко от города Селиндре, стояла укреплённая усадьба, бывшая центром запретного поклонения, пока тогдашний король, прадед нашего возлюбленного государя, не повелел своему первейшему рыцарю Ланвалю де Валанкуру возглавить священный поход против демонического рода.

Все добрые бретонцы слышали рассказ об этом великом приключении, и вы уже знаете о том, как мужество доблестного рыцаря одолело, наконец, нечистое колдовство злобного чародея Кхемиса Кезулы. Но версия сказания, что вы, несомненно, слышали от других, заканчивается на моменте победы отважного рыцаря и том благе, что она принесла землям вокруг Селиндре и самому граду. Увы, но правда в том, что тени зла, павшие на окрестности, как последствия тёмной магии, нередко остаются даже тогда, когда сам нечистый чародей оказывается повержен.

И именно потому, что он знал это, Ланваль де Валанкур, захватив усадьбу по праву завоевания, приказал своим воинам снести её до основания, а камни разбросать по округе. Ланваль никогда более не ступал в тень руин проклятого обиталища, и когда он, наконец, почил в мире, в своей постели, как и все герои, что заслуживают этого, но чего столь немногим удаётся добиться, то посоветовал своему сыну, Гийому, так же оставить руины в покое. Гийом, будучи послушным сыном и мудрым человеком, поступил так, как сказал ему отец.

Гийом прожил на десять лет меньше, чем его отец, и судьба не была к нему столь благосклонна, ибо умер он вдали от дома, сражаясь в кампании своего сеньора, короля. По причине этого, его сын и наследник, Жан де Валанкур, получил земли вокруг Селиндре, но не мрачное предупреждение о том, как пользоваться ими.

Фактически, все его знания исчерпывались рассказами о доблестной победе его деда, поведанные рассказчиками куда менее скрупулёзными, чем я, и слегка изменёнными в целях немного приукрасить сюжет и потрафить гордыне.

Жан так любил купаться в отраженных лучах славы своего доблестного предка, что постарался как можно быстрее воспользоваться возможностью посетить Селиндре. И каково же было его удивление, когда он обнаружил, что горожане были куда менее благодарны за привилегию принять его. Он был ещё молод и посему не знал, что люди куда более счастливы, когда их ленные владыки правят ими с расстояния, и не ставят их перед необходимостью достойного приёма своих сеньоров.

Когда Жан с гордостью подъехал к развалинам укреплённой усадьбы Кхемиса Кезулы, чтобы осмотреть место великой победы его деда, с ним случилась неприятность быть сброшенным лошадью. Упал он неудачно, ударившись головой о камень с прямоугольной гранью. И хотя всё на первый взгляд закончилось благополучно, и он не проломил себе череп, но до конца его дней рана так и не зажила. Жан мучился злыми снами и периодическими приступами безумия, во время которых обычный свет дня казался ему затмеваемым более яркими и красочным светом, чьи постоянные изменения вызывали у него головокружение от беспокойства.

Жан убедился, что руины логова Кхемиса Кезулы прокляты - хотя был ли он безумен или в здравом уме в тот момент, когда осознал это, никто не мог сказать. По этой причине он повелел вписать в своё завещание пункт, по которому холм, на котором стояли проклятые развалины, должен был быть отделён от земель Селиндре и не должен был передаваться по наследству его старшему сыну, коего звали Ланфранк. Вместо этого холм отдали сёстрам Шаллии, богине исцеления и милосердия, дабы они воздвигли в сей дикой и буйной местности свой храм. С помощью этого Жан де Валанкур надеялся использовать силу добрых богов, чтобы стереть навсегда тени и память нечестивого Кхемиса Кезулы, чьи молитвы, несомненно, были обращены к божеству куда более тёмному.

ВПРОЧЕМ, сёстры не были столь уж счастливы получить этот дар после смерти Жана де Валанкура. И причина была не в том, что они боялись какого-либо проклятия, что могло лежать на этой земле, а в том, что находилась она на отшибе и в области, где было не так уж много последователей этой светлой богини. Совет Куронны, после долгих обсуждений, послал к сыну покойного, Ланфранку де Валанкуру посланников, чтобы сказать, что дар земли не принесёт много пользы, если вместе с ним он не сможет дать также плотников и каменщиков для воздвижения храма и дома рядом с ним.

Ланфранк, несмотря на то, что не испытывал большой радости от того, что кто-то получит землю, которая могла быть его, всё же согласился на условия совета и заявил, что соберёт искомую команду из своих подданных. Однако поставил условие, что сёстры Шаллии отправятся на холм вместе с работниками и используют свои молитвы и магию, чтобы оградить его людей от любого проклятия, кое могло ещё оставаться на этой земле. На том и порешили.

Таким образом, согласно этому договору, группа сестёр была отправлена из Кеннеля, вверх по реке Брионн, до самого предела судоходства, где встретились со строителями Валанкура, чья задача была превратить разрушенные камни руин убежища Кхемиса Кезуры в резиденцию и храм.

Девять сестёр, назначенных на эту миссию, приняли свою долю, ибо были связаны своими обетами беспрекословного подчинения. Некоторые, впрочем, были и на самом деле довольны. Для матушки Телинды, ставшей настоятельницей будущей общины, компенсировать разрушение её прошлой жизни помогали выросшие полномочия, а сестёр наподобие Пенелопы и Мирики - которые так и не смогли привыкнуть к городской жизни - манили лес и свежий горный воздух. Но нашлись и те, кто под показным смирением скрывал смутное недовольство, и одной из них была сестра Адалия.

Адалии было двадцать два года, из которых восемь она посвятила служению Шаллии. Она была дочерью

мастера-стеклодува, состоявшего на службе у губернатора Кенелля, и привлекла внимание жриц Шаллии своей необычной способностью к колдовству, которые продемонстрировала ещё в детском возрасте.

Увы, её способности не созрели вместе с её телом, и её культивируемые навыки не вышли за рамки ординарности.

Это разочарование не уменьшало её верности Шаллии, пока она оставалась в родном городе, где могла навещать родственников, и где каждый благородный дом мог похвастаться окном, сделанным её отцом. Адалия была тверда в своём решении избегать размышлений о том, как могла пойти её жизнь, если бы она пошла по иному пути. Она никогда не спрашивала себя, было ли справедливо и правильно то, что та унылая женщина, в которую она превратилась теперь, должна расплачиваться за последствия решений принятых чрезмерно нетерпеливой и подававшей ложные надежды девицей, которой она когда-то была. Однако когда Адалия получила приказ присоединиться к покидающим Кенелль сёстрам, то ощутила некую пустоту в тайных закоулках сердца, которую не могли заполнить ни молитвы, ни акты милосердия.

Тяжесть первых дней на вышеуказанных склонах Селиндре только лишь усугубили любую тревогу, которую могли чувствовать сёстры. Хотя было лето, но погода частенько стояла холодная и дождливая, и пусть строители и работали не покладая рук, чтобы как можно быстрее возвести два дома, один для себя, а второй - для сестёр, строительство продвигалось медленно. Огромные чёрные камни, составлявшие ранее стены проклятой твердыни было тяжело поднимать и перетаскивать даже с помощью блоков и талей, а высокие деревья, что также должны были идти в строительство, обладали такой прочностью, что тупили все свёрла и пилы. А люди меж тем, как строители, так и сёстры, дрожали в палатках.

Адалия, хоть и была далека от того, чтобы превосходить остальных сестёр в силе и росте, получила задачу помогать работникам в исполнении различных мелочей, как то, принести, подать чего-либо или размешать строительный раствор. Работа была настолько тяжёлой, что у неё постоянно болела спина, а руки покрылись кровавыми мозолями, и хоть её магия и приносила ей некоторое облегчение от оных страданий, но всегда находилась ещё какая-нибудь работа, от которой они возвращались с новой силой. Мирика, увидев мучения своей сестры, утешила её, сказав, что солнечный свет и свежий воздух вскоре добавят краски её щекам и силы конечностям, однако дни проходили за днями, а Адалия и близко не ощущала ничего похожего.

Сёстры и рабочие перебрались в дома, как только на них появились крыши, хотя оба здания оставались весьма и весьма далеки от завершения. У каждой из сестёр была своя комната с голыми стенами и полом, набитым соломой матрасом для сна и двумя подсвечниками, установленными по обе стороны от прорези окна. Камень стен был столь чёрен, окна столь узки, а изготовленные в Селиндре свечи - так плохи, что поначалу эти комнатухи казались ужасно мрачными

Адалии досталась комната на втором этаже, под самым карнизом. Выходила она на север, так что солнце никогда не светило в узкое окно, но при этом не скрывало вида на рощу удивительно искривлённых деревьев, чьи ободранные кроны, казалось, шептали неразборчивые проклятья, когда их колыхал ветер. Эта комната была куда как менее удобна, чем та, что была у неё в Кенелле, чьи стены увешивали гобелены, изображающие стаи летящих голубей, а через решетчатое окно которой она могла наблюдать восходящее солнце - но Адалия была крепка в своей решимости не дать себе возненавидеть её, да и к тому же, после стольких дней деления одной палатки с другими сёстрами, получить своё собственное личное пространство было и вправду облегчением.

Матушка Телинда распорядилась, чтобы каждая сестра сделала свою комнату подходящей для вознесения молитв богине, для чего они должны были сперва побелить стены, а затем нарисовать на них священные образы Шаллии: золотое сердце, белого голубя в полёте и имеющую форму слезы каплю крови. И пусть никто не жаловался, однако каждой из сестёр пришлось столкнуться с серьёзными трудностями при выполнении этой задачи, так как чёрные камни, кои защищали в давние времена Кхемиса Кезулу, стойко сопротивлялись любым попыткам придать им менее мрачный вид. Приходилось наносить побелку в несколько слоёв, чтобы стены нисходили до того, чтобы стать хоть немного посветлее.

Адалия нашла эту задачу особо разочаровывающей, но, в конце концов, и её стена приобрела некий оттенок серого цвета, который уже не казался столь неотвратимо мрачным. К этому времени белоснежный хабит^[1] навсегда потерял свою первозданную чистоту, и как бы она ни стирала и чистила его, не могла добиться ничего лучше того оттенка серого, что ей удалось придать стенам своего жилища. То, что остальные сёстры испытывали те же трудности, служило для неё малым утешением.

ЖИТЕЛИ Селиндре не были безразличны и неблагодарны к появлению сестёр Шаллии, ибо слышали о силе исцелять болезни и унимать боль, которую давала богиня своим преданным последователям. Матушка Телинда получала постоянный поток просьб о помощи, ни одна из которых не оставалась без ответа. И хотя помощь не предполагала оплаты, благодарные крестьяне присылали в ответ подарки в виде еды и домашнего скота - так у общины появилась стайка цыплят и дойная коза. Кроме них сёстры узнали богатую коллекцию предостережений и мрачных слухов, что передавались людьми ещё с тех времён, когда народ Селиндре угнетал сам Кхемис Кезула.

Среди этих историй были как привычные рассказы о людоедстве и принесении в жертву детей, которые неизбежно копят в отношении колдовских наклонностей, так и полёты фантазии об оседлавших шторм демонов и монстрах в ночи. Но были среди историй и иные детали, более необычные и своеобразные, которые содержались в поговорках и предостережениях, и чей смысл уже трудно было понять должным образом. Так, одна, очевидно бессмысленная история утверждала, что Кхемис Кезула заключил союз с племенем гномов, которые отказались от поклонения Грунгни в пользу другого бога, который мог научить их искусству создания кристаллов. А одно таинственное наставление, известное каждому ребёнку в Селиндре - хотя никто и не знал, что оно означает - просило всех, кто осмеливался гулять по горным склонам, остерегаться Славного Свете, который заливает скрытые долины души.

Сёстры не были обычными женщинами, но, как и все женщины (и, чего уж лукавить, и многие мужчины) разделяли восторг в отношении страшилок и таинственных слухов. Они жадно пересказывали эти рассказы друг другу и хоть и пересмеивались, показывая как же мало у них страха перед теми демонами, с которыми Кхемис Кезула якобы заключал сделки, всё же можно было услышать лёгкую нотку тревоги в их вроде бы беззаботном веселье.

Несмотря на то, что даже после отбеливания стен и начертания священных символов в доме сестёр ещё оставалась куча работы, были начертаны планы по возведению храма. После тщательной консультации с каменщиками, матушка Телинда решила, что он должен быть возведён на четырёхугольной платформе и обращён лицом на крутой и густо заросший склон. Здесь некогда стояла восточная башня усадьбы Кхемиса Кезулы, и первой задачей храмостроителей стало очистить участок от щебня и обломков. Крупных камней здесь было мало, зато в изобилии находилось мелких, заросших мхом, лишайником и папоротниками.

Когда скрывающий камни растительный покров был удалён, строители обнаружили, что кое-что из укрытого до поры наследия тёмного колдуна можно было использовать. Можно было не сомневаться, что люд Селиндре за прошедшие годы тщательно просеял обломки в поисках оружия или магических предметов коммерческой ценности, однако они не заморачивались кражей таких банальных вещей, как деревянные миски и глиняные бокалы, или бронзовые столовые приборы или же медные швейные иголки, для которых экономные сёстры Шаллии легко могли найти применение. Поэтому матушка Телинда назначила сестёр Адалию и Колумеллу на просеивание обломков в поисках всего, что можно было вытащить и очистить, и в дальнейшем использовать во благо общины.

Сперва эта задача показалась Адалию куда больше по вкусу, чем подай-принеси. Она была куда менее утомительна, а возможность того, что в любое мгновение можно найти что-нибудь удивительное, служило вполне неплохой компенсацией за, по большей части, тупую работу. Конечно, имелась и менее приятная сторона, так как среди обломков и иных артефактов, погребённых в руинах, можно было отыскать и ужасные напоминания о жестокой битве, бушевавшей в крепости во время очищения её Ланвалем, но черепа, кости и сухие, словно пергамент, обрывки кожи не пугали Адалию.

Однако не Адалия первая отыскала кусочки цветного стекла. Первым это открытие сделал рабочий, который и позвал сестру, так как посчитал свою находку странной, впрочем, даже не предполагая, что его добыча может иметь какую-нибудь ценность. Но дочь стеклодува отлично знала насколько редкое и драгоценное витражное стекло, и быстро сообразила, что осколки, вероятно, являлись остатками разбитого окна. Она потребовала, чтобы её отвели туда, где они были обнаружены, и принялась рыться в земле в поисках других.

Обнаружив ещё несколько кусков, одни размером с ноготь, другие - с монету, она приказала рабочему отложить лопату и продолжать дальнейшие поиски более аккуратно. Затем попросила работника собрать как можно больше кусочков стекла и полосок свинца, служивших для связывания их вместе, а сама поспешила к матушке Телинде, чтобы рассказать о находке.

Впрочем, матушка-настоятельница выказала куда меньше восторга, чем ожидала Адалия. Хотя она и видела цветные витражи в окнах городских домов, но никогда не смотрела на витражи Кенелля теми же гордыми и заинтересованными глазами, что и сестра Адалия. Фактически она считала подлбные украшения обычной мишурой.

«Полагаю, вам стоит собрать всё, что удастся, - сказала настоятельница снисходительно, - если это может быть полезно и ценно для кого-либо. Возможно, мы сможем подарить его Ланфранку де Валанкуру, чтобы несколько возместить ему потерю мастеровых. Мне кажется он человек, который мог бы наслаждаться подобными безделушками и мишурой, и осмелюсь предположить, что у него найдётся опытный стекольщик, готовый выполнить любые его приказы».

Адалия была недовольна тем, что её открытие было столь небрежно принижено - и, как ей показалось, её отец тоже. Однако она приняла сказанное ей, как разрешение на попытку восстановить как можно большую часть окна. Поэтому она взяла в оборот Колумеллу и рабочих и отправила их на обследование места, где были обнаружены первые осколки, наказав быть осторожными и тщательными и собирать любые фрагменты, которые им удастся обнаружить, сколь бы небольшими те ни были. Конец того дня и несколько последующих она нетерпеливо ожидала рядом, готовая наброситься на любой проблеск цветного стекла, который мог обнаружиться после уборки щебня со скалы вниз.

К вечеру второго дня у неё уже были сотни кусочков стекла и несколько десятков свинцовых полосок, защищавших когда-то узор витража. В её голове оформилась идея, что если ей удастся собрать

достаточно фрагментов, то, возможно, она сможет восстановить и само окно, по крайней до той степени, чтобы можно было понять, что на нём было изображено.

Конечно, Адалия не испытывала особых иллюзий в отношении сложности своей задумки, но как бы то ни было, она расчистила участок пола в своей келье-комнате и разложила там найденные фрагменты, пытаясь составить их так, чтобы получилось хоть какое-то подобие порядка в получившемся хаосе.

После часа размышлений - которое, как-то так получилось, заняло всё время для её молитв богине - Адалия была вынуждена признать, что её затея оказалась невыполнимой. Хотя ей и удалось собрать достаточно много кусочков стекла, причём некоторые были довольно крупными, оставалось очевидным, что они являлись лишь малой частью от общего количества фрагментов, на которые разбилось окно. Ей не стоило особого труда догадаться, что оставшиеся наверняка были слишком мелкими, и что даже если бы их удалось отыскать, вряд ли бы можно было составить их вновь в цельную картину. А поскольку она понятия не имела, что собой представлял витраж изначально, то у неё не было и отправной точки, с которой можно было бы начать его восстановление.

На следующий день отыскивалось ещё больше фрагментов, и несколько ещё день спустя, но к этому времени рабочие уже расчистили площадку для строительства, и стало очевидно, что от подобных методов не стоит ожидать чего-либо более существенного в дальнейшем. Адалия обратила своё внимание на груды земли, снятой с основного участка и загромождавшей склон, спускавшийся от его края. Она знала, что большая часть первоначального мусора была просто скинута с края, и, как догадывалась сестра Адалия, вместе с ними попались и осколки витражного стекла, но склоны были очень крутыми, а рабочие не выказывали особого желания очистить и их тоже.

Матушка Телинда вскоре освободила Адалию и Колумеллу от их обязанностей просеивать мусор в поисках чего-либо ценного, так как посчитала что всё, что можно было найти, уже отыскали, и выдала Адалии - так как та по-прежнему выглядела слишком слабой и хрупкой для тяжёлого труда - список работ по хозяйству, которые было необходимо выполнить в доме. У Адалии не оставалось иного выбора, кроме как подчиниться, но она обнаружила, что обязанности оказались не столь обременительными и позволяли ей выкроить пару свободных часов даже в светлое время. Она начала использовать это время для поисков фрагментов стекла и, в конце концов, день за днём упорного труда, отыскала столько, чтобы почувствовать, что игра стоила свеч. В итоге она даже пришла к выводу, что у неё есть особый инстинкт, который вёл её в поисках, и в конце концов мог привести к успешному завершению поставленной перед собой Адалией задачи.

КОГДА лето сменилось осенью, а после осень перешла в зиму, день стал короче, а ночь длиннее. Это уменьшило время, которое Адалия могла тратить на поиски цветных кусочков стекла, но увеличила то, что могла использовать для попытки выяснить, как те, что она уже отыскала, могли быть связаны друг с другом. Эта головоломка стала воистину захватывающей - настолько, что стала регулярно поглощать время, которое отводилось на молитвы богине - но когда матушка Телинда однажды предположила, что Адалия могла пренебрегать своими обрядами, сестра с негодованием отвергла подобные обвинения.

Не раз её охватывало чувство отчаяния, когда она уже почти смирялась с безнадёжностью своей задачи и была готова бросить бесполезные попытки, но в каждом случае её полуоформившееся решение отказаться от дальнейших попыток подрывалось очередной вспышкой вдохновения, которое открывало ей как несколько частей могли быть соединены вместе, или куда можно было вставить полоску скрепляющего кусочка олова. Восемь лет на службе Шаллии научили её ценности терпения, и случайного счастливого открытия оказывалось достаточно, чтобы убедить её продолжать свои труды.

Пока осколки оставались разбросанными по полу её комнаты, она не могла оставить их надолго, её мысли неотразимо возвращались обратно к головоломке. Проблески потихоньку накапливались, мало-помалу формируя в мыслях Адалии форму и организацию оригинальной картины витража. Она обнаружила, что оно имело форму круга, и внутри имелось ещё несколько концентрических кругов. Постепенно она пришла к пониманию того, что стекло более бледного цвета было частью внешнего участка витража, а с более яркими голубыми и бирюзовыми оттенками - к центру. Она поняла, что центр витража занимало изображение некоего создания, возможно птицы с ярким оперением.

Каждое из этих открытий лишь усиливало её решимость, и побуждало к ещё более активным попыткам, в конце концов вынудив её занимать время, отведённое для сна. Вскоре заметили, что Адалия сжигает больше свечей, чем любые три её сестры, и она была вызвана к матушке-настоятельнице, чтобы объяснить причину этого.

Она пригласила матушку Телинду в свою комнату, уверенная в том, что зрелище частично восстановленного витража будет достаточным объяснением и оправданием, но настоятельница не видела в этом какой-то таинственной загадки, которую следовало решить, а в нагромождении кусков стекла и полосок олова не могла разглядеть складывающуюся в нечто цельное картину. Мать-настоятельница увидела в ломаном узоре только глупый и пустой беспорядок, о чём не преминула тут же заявить сестре Адалии.

«Вы не можете не видеть, сестра Адалия, - мягко сказала она, - что цель не стоит затрачиваемых на неё усилий. Что вы могли бы получить, выполнив задачу, от которой не было бы стоящего вознаграждения? Вы должны понимать, что быть настолько обеспокоенной мирскими вещами - недостойно жрицы Шаллии. Окно из цветного стекла, сколь бы красивым оно ни было, является всего лишь окном в повседневный мир. Наша же задача - донести милость Шаллии до тех, кто страдает от горести и боли, а не играть с украшениями».

Адалия смиренно приняла эти упрёки, но покаяние её было притворно, и она была рада, что настоятельница не стала отдавать конкретный приказ прекратить её занятия. И всё же она решила приложить больше усилий для выполнения тех обрядов, коих требовала от неё её вера.

В течение нескольких дней ей не удалось собрать больше, чем горстку цветных осколков стекла со склонов под растущим храмом. Кроме того, в те несколько дней она использовала столько же свечей, что и любая из её сестёр. Однако даже столь скудная добыча ни на йоту не уменьшила её энтузиазм, ибо каждый новый кусочек становился причиной осязаемого волнения, так как, казалось, она точно знала, где, в цельной картине, должен был находиться найденный фрагмент.

Внешние круги окна постепенно приближались к своему завершению, и она решила удвоить усилия по поиску недостающих фрагментов. Когда внешние круги были восстановлены полностью, за исключением нескольких мелких кусочков, открылось нечто поразительное.

В темнейшие часы эти внешние кольца стекла начинали светиться, излучая необыкновенный свет, который постепенно превращался в мерцающее серебристое сияние. Казалось, будто окно больше не было разложено на полу, а вновь установлено в стене, передавая сияние освещённого лунным светом неба.

Если бы сестра Адалия не была настолько поглощена своим проектом, то, возможно, данное обстоятельство заставило бы её задуматься. Может быть, она бы вспомнила, что этот витраж украшал не окно какого-то дворянина, а был частью крепости Кхемиса Кезулы, и мог иметь совсем иную цель,

нежели простое украшение. Кто знает, может она бы вспомнила и то предупреждение о «славном свете», что был пунктом одной из праздных сплетен, распространившихся среди сестёр.

Если бы эти мысли пришли ей в голову, то она бы поняла, что её долгом перед Шаллией было немедленно сообщить о своём открытии матери-настоятельнице. Однако разум Адалии уже полностью поглотили другие мысли и желания, и она уже приобрела привычку к секретности. Как бы то ни было, первой мыслью, что пришла ей в голову, когда она увидела этот свет, было то, что он позволит ей экономить свечи и тем самым избавиться от одной из причин давить на неё с целью заставить отказаться от поставленной перед собой задачи.

Её стратегия полностью оправдала себя. Матушка Телинда была удовлетворена тем, что она, кажется, начала возвращаться к нормальному поведению - и сестра Адалия попала в ловушку в тенета собственной лжи, потеряв возможность обратиться за советом о значении того жутковатого света, что освещал её комнату в течение нескольких часов после полуночи.

Впрочем, она не ощущала, что её обман лишил её свободы. На самом деле сестра Адалия, наоборот, чувствовала себя куда более умиротворённой, чем когда-либо прежде. Казалось, что та пустота, которую она смутно ощущала, оказалась заполнена так ловко и уютно, как это было возможно. Теперь она обладала полнотой, которую не могли ей даровать никакие, пусть даже самые искренние и горячие молитвы Шаллии.

Большинство кусков, к которым инстинкт приводил её во время поисков на склонах, были розового или голубого цвета, и реконструкция кругов, в которых они находились, теперь достигла такой степени, что она без долгих раздумий могла подобрать точное место для каждой новой находки. И когда эти круги приблизились к своему завершению, то они добавили свою собственную долю к тому свету, что столь волшебным образом заливал комнату сестры Адалии.

Адалия полюбила этот свет - который, безусловно, был очень красив - и радовалась, изучая его многочисленные изменения. Он ничуть не походил на настоящий солнечный свет, в нём был постоянный отлив и течение: то, что раньше казалось случайным мерцанием, теперь превратилось в куда более бурные переливы. Всякий раз, когда она склонялась над витражом, в раздумьях о том, куда поместить какой-нибудь особенно тяжело подходящий фрагмент, её многочисленные тени двигались по побеленным стенам, словно труппа диких танцоров, пляшущих вокруг колдовского огня.

Выцветшие стены её каморки полностью преображались светом витража, их серость исчезла, словно и не бывало... как и священные символы поклонения Шаллии. Точно так же сгинула и мрачная серость её хабита, что сверкал в лучах этого света, словно был не скромным одеянием послушницы милосердной богини, а цветастой мантией какого-нибудь могущественного волшебника из Колледжей магии.

Однако фигура в центре по-прежнему оставалась загадкой для Адалии. Было всего несколько случайных кусочков стекла, которые, казалось, подходили туда, но давали не более чем намёк на пернатое создание, без какого-либо чёткого указания конфигурации крыльев или даже малейшего указания на клюв или глаз. И пока ещё не исходил свет из самого внутреннего кольца витражного окна.

Её ПОИСКИ едва не окончились, когда сестры Пенелопа и Мирика заявили, что видели ночью странный свет, исходивший из окна её комнаты, когда как-то раз оказались снаружи в неурочный час. Адалию снова вызвали к настоятельнице. Она страшно боялась, что ей прикажут прекратить её работу, поэтому горячо отрицала, что произошло нечто необычное. Она утверждала, что спала, когда сёстры увидели

этот странный свет, и понятия не имела, откуда он мог исходить.

Поскольку ни сестра Пенелопа, ни сестра Мирика не могли предложить никаких достоверных доказательств, то слова Адалии приняли на веру, однако матушка Телинда воспользовалась этой возможностью, чтобы расспросить её о судьбе собираемого ей витража. Адалия заявила, что больше не интересуется этим, да к тому же уже довольно давно не было найдено ни одного сколь-нибудь существенного фрагмента. Поскольку последняя часть утверждения была правдой, и этот вопрос разрешился к полному удовольствию сестры Адалии.

После этого разговора Адалия приняла меры предосторожности, достав тёмную ткань и занавешивая им своё узкое окно во время работы, а, когда ей было необходимо покинуть свою келью, оставляла витраж закрытым ковриком.

Матушка Телинда поверила истории Адалии отчасти из-за убеждения, с которым та её рассказала, а отчасти из-за того, что сестра казалась такой здоровой и жизнерадостной в те дни, что никто, ни мать-настоятельница, ни сёстры не могли поверить, что Адалия не спит ночи напролёт. Когда они пришли в Селиндре, и некоторое время после, Адалия отличалась измождённым выражением и бледным цветом лица, и была далека от того, чтобы считаться одной из самых крепких сестёр, но теперь её кожа стала загорелой и блестящей, а смеющиеся глаза были такими же яркими, как птичьи.

Её соратницы могли отнести это изменение к лучшему только за счёт воздействия солнечного света и свежего воздуха, а также тяжёлого, но добровольного труда.

Адалия уже не набрасывалась с жадностью на каждый кусочек цветного стекла, который ей удавалось отыскать на склонах холма - а как иначе, она же заявила о своём полном безразличии. Впрочем, так или иначе, фрагменты всё равно скрывались в складках платья и широких рукавах повседневного платья сестры Адалии и с тревогой и ожиданием носились до окончания рабочего дня, когда после ежевечернего общинного ритуала, она, наконец, могла остаться в уединении собственной кельи. Тем временем периферия внутреннего круга постепенно заполнялась, и сестра Адалия нетерпеливо ждала живительного момента, когда таинственный свет, струившийся по внешним кругам, распространится и на центр витража, когда этот таинственный образ - как она думала про себя - «поймает огонь».

Она жила ради этого дня и ничто другое уже не имело значения.

К сожалению, центральный мотив оставался раздражающе ускользающим: было несколько осколков, похожих на перья, и достаточное количество других, чтобы понять, что там изображалась голова птицы, однако ни клюва, ни фрагментов глаз по-прежнему не было. К тому времени она уже тщательнейшим образом обследовала каждый дюйм каменистого склона под храмом и понимала, сколь невелики надежды обнаружить что-то, кроме крошечных фрагментов.

Без жизненно-важных частей больше не оставалось загадки, над которой можно было поразмыслить, и ничто не отвлекало её разум и руки в те часы, когда свет иного мира наполнял келью сестры Адалии своими прекрасными оттенками. Её старые привычки вновь заявили о себе, но когда она молилась - не заботясь о том, какое божество внимало ей - то просила лишь дар и откровения, её молитвы выражали лишь стремление захваченного страстью сердца, у которого не было иного предмета привязанности, кроме лика в центре витража.

Семь раз в семь ночей свет приливал и затухал, и каждый раз, когда он умирал, Адалия смиренно ложилась на свою кровать. Но на восьмую ночь великолепие света столь сильно наполнило её, что сестру Адалию захватило неопишное восхищение, и ярость её голода погнала её прочь - из комнаты и

из дома.

Зима уже пришла, и было морозно. Снег лежал на склонах, его белизна освещала пасмурную ночь. Стоял холод, но Адалия не чувствовала его, когда безошибочно направилась в сторону холма, храм на котором уже подходил к завершению.

Во внутреннем дворе храма кто-то ждал её. У него не было фонаря, и она не могла разглядеть его лицо, но по телосложению и голосу поняла, что это должен был быть гном.

«У меня есть кое-что, чего вы жаждете, - сказал он, - а вас - то, что нужно моему господину. Вы согласны заключить договор об обмене, дабы удовлетворить стремления наших сердец?»

«Да, я согласна», - ответила сестра Адалия. Ей казалось, что она затерялась во сне, а в сновидениях никто не задаёт лишних вопросов.

«Вот, то, что вам нужно», - сказал он, и Адалия ощутила, как гном вложил ей в руку узелок тряпья, в котором было что-то тяжёлое и острое.

Когда он собрался уходить, Адалия произнесла: «Возьмите то, что нужно вам».

И он ответил: «Это уже взято».

Затем она отнесла свёрток в себе в комнату и бережно спрятала его, прежде чем вновь погрузиться в сон.

НА СЛЕДУЮЩУЮ ночь, когда все уснули, она раскрыла витраж, чтобы освободить его переменчивый свет и вытащила свой трофей. Осторожно сестра Адалия развернула узел, обнаружив полста кусочков цветного стекла и несколько перекрученных кусочков свинца.

Осколки стекла были маленькими и деформированными, и с первого взгляда стало ясно, что собрать их воедино станет весьма непростой задачей. Впрочем, с того момента, как ей удалось в последний раз найти столько фрагментов, минуло уже довольно много времени, и она с наслаждением окунулась в решение новой задачи. Её проворные пальцы начали работу по поворачиванию и сортировке кусочков, порхая над витражом, как будто движимые разумом отличным от её, и между тем она почувствовала, будто смеётся внутри. Сестра Адалия очень быстро вставляла кусочки на свои места, ибо, казалось, точно знала месторасположение каждого из фрагментов.

Глаза она вставила последними и, сделав это, Адалия знала, что её работа завершена, что, пусть в грандиозном витраже и оставались сотни крошечных трещинок и сколов, она сделала достаточно.

Раскалённый свет вырвался из центра витража и фигура, напоминающая изображённую в центре картины из стекла, неожиданно возникла во всём своём сверкающем великолепии.

В течение нескольких мгновений, Адалия ещё думала, что фигура была головой птицы - возможно легендарной жар-птицы, что изредка мелькала над крутыми утёсами Парравона. Затем она решила, что это голова грифона, которая была выставлена в виде трофея в большой зале дворца правителя Кенелля. Хотя её цвета всё ещё были ограничены кривыми из сплавленного свинца, всё же это могло быть одной из них. Но затем, пока поток света изливался в окно между мирами, свинец, что удерживал вместе кусочки стекла, казалось, расплавился и растаял, так что изображение перестало быть образом и стало реальностью.

И тогда она увидела, что фигура в центре витража не была ни птицей, ни грифоном, ни каким-либо иным столь же банальным. Да, её покрывало великолепное оперение, но это был человек, человек, чей взгляд был ярче от наполнявшей его мудрости и знаний, чем взгляд любого человека или эльфа, которых она когда-либо видела.

В ней раздался слабый голосок тревоги, пытавшийся воскликнуть «демон!», так, чтобы её испугать, но голос показался Адалии всего лишь эхом, слабым и одиноким. Если же, как она полагала, это был последний отголосок той любви и поклонения, которые она когда-то давно отдала Шаллии, тогда его слабость стала явным свидетельством передачи её верности иной силе.

Лицо, которое смотрело на неё из того, наполненного таким прекрасным светом места, не могло улыбаться - ибо клювастый рот был таким же жёстким, как если бы был вырезан из агата - и всё же она не сомневалась - он был рад её видеть. Она была совершенно, абсолютно уверена, что он желал заключить её в свои пернатые объятия, чтобы нежно окутать великолепием своего пламенного оперения.

Чистейшая красота перспективы наполнила ее, и она раскрыла руки, приветствуя эти необыкновенные объятия.

Позади неё, на холодных и узких стенах того пространства, что было выделено ей в качестве её доли в мире смертных людей, толпились сотни цветных теней, ходивших с напыщенным видом и расталкивающих друг друга, совершенно не осознавая собственной тонкости и несущественности, не понимая того факта, что были просто причудами света, идущего из-за пределов земли.

Адалия, что когда-то была жрицей Шаллии, издала возглас беспримесного удовольствия... и те глаза, что мгновениями раньше она поставила на место, сосредоточили на ней свой изумительный, ужасающий взгляд полный любви, полный смеха и радости жизни...

КОГДА сестра Адалия не вышла к утренней молитве, к ней были посланы узнать, не заболела ли она, сёстры Колумела и Пенелопа.

Они обнаружили её лежащую обнажённой на полу собственной комнаты, раскинув руки и ноги.

Она выглядела так, будто была опалена неким невероятным огнём, который сжёг её до черноты. Стены комнаты и скинутая одежда так же были чёрными и покрытыми пеплом. И в обращённой в стекло плоти Адалии, не пропустив ни единого дюйма, были встроены тысячи и тысячи кусочков цветного стекла.

Эти цветные фрагменты, как заметила матушка Телинда, когда прибежала к комнате Адалии, призванная своими поражёнными ужасом послушницами, придавали трупу их почившей сестры вид, словно он был инкрустирован тысячами драгоценных камней.

Если бы они не знали, что это не мог быть никто иной, как рассказывали позже своим друзьям Колумелла и Пенелопа, то они ни за что бы не узнали в этом сверкающем трупе свою несчастную сестру Адалию. Она была настолько преображена своей таинственной смертью, что могла быть вообще кем угодно.

1. **Хабит** - повседневное монашеское облачение.

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Свет_преобразования_/_The_Light_of_Transfiguration_\(рассказ\)&oldid=9276](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Свет_преобразования_/_The_Light_of_Transfiguration_(рассказ)&oldid=9276)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 08:47.